

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ "РЕЖИМА ДАХИЙ" В БЕЛГРАДСКОМ ПАШАЛЫКЕ НА РУБЕЖЕ XVIII - XIX ВВ.

ON THE PROBLEM OF THE CHARACTER OF THE "STATE OF THE DAHIJAS" IN THE PASHALUK OF BELGRADE AT THE TURN OF 18th-19th CENTURIES

V. Sopov

Annotation

The article is dedicated to the key event of the Serbs' history of the 18th–19th centuries – s.c. "the state of Dahijas", the rule of Janissary officers established in the Pashaluk of Belgrade in 1802–1804. Author describes the most interesting moments of the scholarly dispute in Russia and Serbia. The social and political facets of "the state of Dahijas" as well as the key events of its history are characterized in the article. Author made a conclusion about the complex ethnic and confessional picture of this state, two main tendencies and the evolution the Serbian self-government institutions made into this state.

Keywords: Serbia, Modern Time, First Serbian Uprising, Dahijas, Selim III, Janissary.

Сопов Владислав Игоревич

Аспирант,

Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация

Статья посвящена ключевому событию истории сербского народа на рубеже XVIII – XIX вв. – т. н. "режиму дахий", режиму янычарского управления, окончательно сложившемуся в Белградском пашалыке в 1802–1804 гг. Автор освещает основные моменты историографической дискуссии в местной и отечественной научной литературе. В статье даётся характеристика социально-политической природы "режима дахий", ключевых событий его истории. Автор приходит к выводу о сложной этноконфессиональной картине, сформировавшейся в пашалыке с приходом дахий, о двух параллельных тенденциях в практиках дахийского режима, о своеобразной эволюции, которую претерпели институты публичного представительства сербского народа внутри него.

Ключевые слова:

Сербия, Новое время, Первое сербское восстание, дахии, Селим III, янычары.

"Режим дахий", с которым связывают последние годы перед началом Первого сербского восстания и важнейшие события, происходившие в связи с ними в Белградском пашалыке, сравнительно редко становился объектом научного анализа, неизменно пребывая в тени последовавших военных и политических перемен, постигших Северную Сербию. Вместе с тем, рассмотрение данного феномена представляется весьма продуктивным. Во-первых, именно в этот период вызрели ключевые предпосылки для начала вооружённой борьбы сербских повстанцев, во-вторых, с точки зрения исследования государственно-правовых практик и установлений у сербов того периода, эти годы разделяют "эпоху ферманов" – период полуавтономного положения сербов под управлением Хаджи-Мустафа-паши и, собственно, начало строительства повстанческой государственности. Несомненно, без анализа положения институтов сербского самоуправления в эти годы невозможно составить целостное представление о континуитете их развития в течение всего периода рубежа XVIII – XIX вв.

Вместе с тем, при отсутствии обособленных исследований, в местной и отечественной историографии сформировалось довольно чёткое и единогласное мнение о

сущностных особенностях данного режима. Что касается сербской историографии, то корни этого представления были заложены ещё в XIX веке. Такие исследователи, как Л. фон Ранке [10] и В.С. Караджич (см. "Первый год войны сербов с дахиями" [1828], "Князь Сербии Милош Обренович, или История сербии нашего времени" [1828], "Второй год войны сербов с дахиями" [7] [1829] и др.) в своих работах дали картину поликонфессионального, террористического режима, противопоставленного в равной степени и сербскому самоуправлению, и легитимной власти султана Селима III. Исследователь начала XX века С. Новакович сопоставил "режим дахий" с сепаратистским режимом Пазванд-оглу Видинского, существовавшим в те же годы в ещё одной мятежной территории Османской империи, отметив множество сходных черт [12]. Марксистское понимание проблемы, встречающееся, к примеру, в работах М. Джорджевича, вписывает противостояние режиму дахий в канву общего развития борьбы сербов с Османской империей [5]; по его мнению, борьба за полное освобождение от турок началась задолго до 15 февраля 1804 года. В современной историографии, в частности, в работах Р. Люшича, этот вопрос отображается более сдержанно: указывается, что борьба с дахиями какое-то время не была для по-

встанцев равнозначна противодействию центральным властям Порты [8].

Первым исследователем "государства" дахий в отечественной историографии является военный историк Н.Ф. Дубровин. Как и С. Новакович, он помещает дахийский мятеж в контекст отпадения окраинных территорий от Османской империи в конце XVIII века, приводя в пример восстания в Аккре, Видине, Багдаде и Янине [1]. В советской историографии боевые действия, связанные с дахиями, как правило, рассматривались в контексте кризиса системы феодального управления Османской империи. Таким образом, не подвергаются сомнениям два комплекса представлений о чертах этого режима: во-первых, его террористическая природа, во-вторых – противопоставленность "законной власти" Селима III.

Отправной точкой становления "режима дахий" следует считать 30 января 1799 года. В этот день султан Селим III издает губительный для сербов ферман о решении всем ранее изгнанным и демобилизованным янычарам вернуться в пашалык. Предводители этого маргинального сообщества первое время были легитимными чиновниками пашалыка: Кючюк-Али стал муселимом Крагуевца, Мулла-Юсуф – муселимом Ужице, Хасан-ага, Муса-ага и Хафиз-ага заняли аналогичные посты в Валево, Шабаце и Смедереве. Само слово "дахия" происходит либо от общетюркского корня "даг", обозначающего "горы" (ср. азерб. Dag; туркм. Dag; тур. Dag), либо связана с турецким словом, обозначающим брата матери; возможно, это было неформальное обращение этих людей друг к другу. В 1799–1801 гг. в пашалыке сложилось двоевластие: формально руководителем его оставался назначенный из столицы Хаджи-Мустафа-паша. Перемены наступили после его гибели, последовавшей 15 декабря 1801 года. Власть в пашалыке окончательно отошла к вчерашним главарям маргиналов – Кючюк-Али, Аге-али, Мулле-Юссуфу и Мехмед-аге Фочоглу.

Как свидетельствуют фрагментарно изданные турецкие документы, переход пашалыка под власть дахий не представляла собой одномоментный процесс. Так, 1 реби'уль-аввала 1216 года по Хиджре (20 августа 1801 года) Хаджи-Мустафа-паша на правах мухафиза (управителя) Белграда получает махзар (обращение) граждан административного центра пашалыка, в котором содержатся жалобы на притеснения со стороны приспешников дахий. Любопытно, что документ подписан почти исключительно мусульманами, в том числе и представителями духовенства. Это говорит о том, что, несмотря на турецкие имена, дахии в своём поведении не руководствовались не только законными представлениями, но и религиозными [9]. В своих более ранних работах, мы показывали, что это может свидетельство-

вать о том, что до момента гибели Хаджи-Мустафа-паши криминальная активность определенного круга лиц, ассоциируемых с "режимом дахий", хотя и имела место, но касалась сербов в меньшей степени, нежели мусульман. Во-первых, это можно объяснить тем, что на начальном этапе (1800–1801 гг.) такие проявления отмечаются в основном в городах, которые до восстания были преимущественно турецкими. Во-вторых, обижать сербов, с торговли которых он имел значительную прибыль, не позволял Хаджи-Мустафа-паша [2].

В 1802 году, когда последний был уже мёртв, четверо дахий не просто сформировали государство, независимое от центрального правительства, но и несколько пересмотрели систему военно-политического устройства пашалыка. Вся территория пашалыка была разделена между вождями дахий на четыре части – исета. Исет соответствовал трем нахиям по административному делению, сложившемуся до восстания [11]. Сами вожди стали кабадахиями – старшими дахиями. Им подчинялись бимбаши, каждый из которых также в свою очередь был ответственным за какую-либо территорию. По этому же военно-территориальному принципу, бимбашам подчинялись булюбаши, им – субаши, тем – рядовые солдаты, не имевшие территориальной ответственности. Следует отметить, что такое разделение власти органично вписалось в систему сербского самоуправления. Единственным новшеством стал исет, в котором правил дахийский воин в ранге кабадахии. В остальном же, административной реформы и не потребовалось: бимбаша соответствовал нахийскому кнезу, булюбаша – кнежинскому, субаша – сельскому.

Как видно, за короткое время была сформирована система, обеспечивающая дахиям полноценный аппарат эксплуатации сербского и турецкого населения пашалыка. Вместе с тем, не следует и преувеличивать централизованное, упорядоченное в их правлении. Многие события, свидетелем которых стал Белградский пашалык в 1802–1804 годах нельзя объяснить иначе, как бесконтрольной, анархической вольницей, полным самоуправством профессиональных убийц, разбойников и насильников. Как уже говорилось выше, массы народа, стекавшиеся в пашалык, были поликонфессиональными: были там и сербы, и болгары, и арнауты, стекавшиеся сюда не только со всех Западных Балкан, но и из опустошённой Анатолии. Доподлинно известно и то, что значительную часть, помимо бывших янычар, здесь составляли беглые преступники, приговорённые за самые тяжкие деяния к отбыванию наказания на галерах (чамджии [3]). Одним из наиболее ярких примеров бедствий, которые принесли в пашалык эти люди, является деятельность Салих-аги по прозвищу "Рудницкий бык". Этот человек, принадлежавший к пресловутой "четверке" дахий, руководивших пашалыком, пользовался правом самой унижительной феодальной повинности – первой

брачной ночи, причем нередко его реализация сопровождалась страшными публичными оргиями. По его собственному выражению, он имел "королеву" в каждом селе и попеременно жил с каждой из этих несчастных. Этот пример, как нам кажется, был весьма характерен: государство дахий было государством первобытного "права силы" и беззащитному сербскому и турецкому населению было не у кого просить помощи.

Вместе с тем, есть, как минимум, два обстоятельства, не позволяющих переоценивать "революционности" государства дахий по отношению к политическим реалиям того периода. Во-первых, дахии никогда не провозглашали де-юре независимости от Порты. Об этом свидетельствуют факты назначения белградского пашы Портой даже в те периоды, когда реальная власть была у янычар. Наконец, сообщая своему знакомому Пазвандоглу Видинскому о начале Первого сербского восстания, которое дахии попытались подавить, они говорят о себе как о защитниках легитимной власти султана [4]. Во-вторых, режим дахий не был направлен против сербской верхушки как таковой: многим кнезам удалось не только встроиться в новую систему управления, но и улучшить

свое карьерное положение. Так, помощник Карагеоргия Г. Пантелич был на таком хорошем счету у Муллы-Юссуфа, что тот хотел сделать его кнезом одной из территорий своего исета [6]. Попытки Тосун-аги видинского закрепиться в пашалыке также были остановлены руками сербов, которых мобилизовали Мулла-Юссуф и Мехмед-ага. Наконец, одиозный гайдук С. Главаш был близким другом Кючук-Али и Аганлии.

Подводя итога краткому обзору режима дахий, представляется возможным сделать ряд выводов. Во-первых, этот режим был многоэтничным и многоконфессиональным, т. е. как в руководстве дахий, так и в рядовой структуре их аппарата явно соседствовали тюркские, славянские и иные элементы. Во-вторых, именно благодаря неполноте демонтажа системы сербского самоуправления, сформировавшейся в 1793–1796 гг., дахиям удалось в кратчайшие сроки построить эффективный аппарат военной и гражданской администрации. В-третьих, нуждаются в пересмотре историографические представления о режиме дахий как о противопоставленном исключительно сербскому или исключительно турецкому населению пашалыка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровин Н.Ф. Сербский вопрос в царствование императора Александра I // Русский вестник. М., 1863. Т. 46. Кн. 7. С. 60–120.
2. Сопов, В.И. Государственно-правовое положение сербов Белградского пашалыка. / Сопов, В.И. // – М.: LAP, 2014.
3. Stojancevic V. Karadjordje and Serbia in his time // The First Serbian Uprising 1804–1813. Brooklyn, 1982.
4. Арзухал беградских дахи-а Видинском мухафизу Осман-паше Пазван-оглу // Шабанович Х. Турски извори...С. 314–315.
5. Джорджевич М. Српска нации в гражданском обществе. Београд, 1979.
6. Показания старца Гае Пантелика от Тополы Исидора Стоянович // Казань о Серпском установке 1804. године. Београд, 1980. С. 70–120.
7. Карацис В.С. Истори-ски списи. Београд, 1985.
8. Лушиц Р. Српска државност 19.века. Београд, 2008.
9. Махзар Београда беградском кади-и и беградском мухафизу Хаши-Мустафа-паше // Шабанович Х. Турски извори о српской революции. Београд, 1958. С. 226–227.
10. Ранке Л. Српска револиц-а. Београд, 1965.
11. Ристич М. Народне скупштине у Првом српском устанку. Београд, 1955.
12. Новакович С. Турско царство пред српски устанак 1780–1804. Београд, 1906.

© В.И. Сопов, (sopich2007@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ

негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

Реклама

Традиции. Инновации. Успех!

И МИБО